

Дмитрий КОЗЛОВ

**“ПОД ВИДОМ ПРЕОДОЛЕНИЯ
КУЛЬТА ЛИЧНОСТИ”:
НЕРЕАЛИЗОВАННАЯ РЕФОРМА
ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ В ШКОЛЕ (1956–1957)?***

Необходимым условием дальнейшего улучшения преподавания истории в школе является регулярное повторение пройденного¹

История советской школы периода “Оттепели” исследована достаточно неравномерно. Центральными, хорошо изученными сюжетами являются закон “Об укреплении связи школы с жизнью” (1958), стимулировавший развитие трудового обучения в рамках школьной про-

* Статья написана в рамках проекта “Стратегии институционального строительства в постсталинском СССР (образование, наука, культура)” (2015) Школы актуальных гуманитарных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ благодаря поддержке Фонда Михаила Прохорова (“Карамзинские стипендии – 2014”).

Автор благодарен М. Л. Майофис, А. Н. Зашихину, К. М. Ф. Платту и анонимным рецензентам журнала *Ab Imperio* за ценные советы и замечания, позволившие сделать статью яснее.

¹ Повышать роль обучения истории – одного из важнейших средств воспитания молодых строителей коммунизма // Преподавание истории в школе (Далее – ПИШ). 1957. № 6. С. 9.

граммы, и возникновение гуманистических тенденций в учебно-воспитательной работе.² Теоретической рамкой большинства исследований, посвященных реформированию “оттепельной” школы, остается идея десталинизации, упрощенно понимаемой как частный пример “демократизации” (“либерализации”) общественно-политической жизни при Н. С. Хрущеве.³ Такой взгляд не просто низводит весь комплекс идеологических и профессиональных проблем, с которым пришлось столкнуться школьным учителям в 1950–1960-х, к вычеркиванию имени Сталина из публичного пространства, но во многом грешит против истины. Так, Л. В. Максименкова в статье об инструкторе отдела школ ЦК КПСС А. Н. Яковлеве пишет о том, что оперативная замена учебных пособий в 1956–1957 “во многом определила необратимость антисталинского процесса в деле школьного образования...”⁴. Однако уже частичная реабилитация Сталина в 1960–1970-е ставит под сомнение “необратимость” первой волны десталинизации, в значительной степени ограниченной выработанными в прошлые десятилетия практиками *damnatio memoriae*.

В какой-то мере, сложившееся положение можно объяснить тем, что материалы профессиональных дискуссий, которые велись в Министерстве просвещения, Академии педагогических наук СССР и редакциях методических изданий, до сих пор введены в научный оборот достаточно фрагментарно. Наиболее известные воспоминания, формирую-

² Laurent Coumel. “Rapprocher l’école et la vie”? Une histoire des réformes de l’enseignement en Russie soviétique (1918–1964). Toulouse, 2014; Дарья Димке. Жизнь по законам искусства: практики воплощения утопии (на примере Коммуны юных фрунзенцев) // Социология власти. 2012. № 4-5. С. 111-139; Острова утопии: Педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980-е): Коллективная монография / Ред. и сост. И. Кукулин, М. Майофис, П. Сафронов. Москва, 2015.

³ А. З. Гусейнов. Влияние процесса демократизации советского общества на содержание и характер преподавания общественных дисциплин в 1956–1964 годах (На материале школьных исторических дисциплин) / Автореф. дисс. ... канд. пед. наук. Саратов. 1998; Ю. В. Лазарев. Оттепель в школьном преподавании литературы (к истории изучения творчества А. И. Солженицына в школе) // Вестник РГУ имени С. А. Есенина. 2013. № 3. С. 5-17; Евгений Пономарев. Учебник патриотизма (литература в советской школе в 1940–1950-е годы) // Новое литературное обозрение. 2009. № 97. С. 37-57.

⁴ Л. В. Максименкова. Отдел школ ЦК КПСС в годы, когда в нем работал Александр Николаевич Яковлев. 1953–1956 гг. Вступительная статья // Альманах “Россия. XX век”. <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-intro/1025126> (здесь и далее: последнее посещение: 8 апреля 2017).

щие представление об эпохе “Оттепели”, принадлежат перу тех, кого вопросы средней школы интересовали мало, в силу принадлежности к иным профессиональным или возрастным когортам. Если мемуаристы и касаются своего обучения в школе, то, как правило, в фокусе их внимания оказываются сюжеты, связанные с отменой в 1956 году экзамена на аттестат зрелости по истории СССР, с уничтожением изображений Сталина и переизданием учебников после XX съезда КПСС.⁵

Гораздо более нюансированную картину изменений в системе советского образования 1950–1960-х предлагают исследователи, анализирующие советскую школу как конфликтное пространство, в котором различные акторы (от представителей высшей государственной власти до “простых” учителей) боролись за достижение собственных целей.⁶ При такой постановке вопроса изменение отношения к Сталину не может быть продуктивно проинтерпретировано в рамках оппозиции “поддержка / неприятие” – обращение к личности “разоблаченного” лидера могло использоваться как риторический ход, оправдывавший различные интенции. Так, анализируя внутренние конфликты в Гнесинском училище, Стивен Биттнер остроумно заметил, что “необязательно было быть сталинистом, чтобы сожалеть о некоторых аспектах “Оттепели””⁷.

В свою очередь, для анализа политики памяти в оттепельном СССР недостаточными оказываются категории “память” и “забвение”. Хотя “преодоление последствий культа личности” и опиралось на опыт предыдущих кампаний по “переписыванию истории”, все же существенно отличалось от них: имя Сталина не было полностью вычеркнуто из публичной сферы, а его роль в истории СССР не была признана без-

⁵ Dora Shturman. The Soviet Secondary School. London, New York. 1990. Pp. 62-63; Б. Вайль. Особо опасный. Харьков. 2005. С. 59-60; А. А. Вотяков. Биография. <http://votyakov.com/ru/pages/bio/>; Лев Рубинштейн. Простая история // Стенгазета. 2007. 9 июля. <http://stengazeta.net/?p=10003547>.

⁶ И. Кукулин, М. Майофис. Математические школы в СССР: генезис институции и типология утопий // Острова утопии. С. 241-313; М. Майофис. Пансионеры трудовых резервов: формирование системы школ-интернатов в 1954–1964 годах // Новое литературное обозрение. 2016. № 6 (142). Т. 2. С. 292-324; А. Чашухин. “Пример Маленкова подсказывает нам...”: политические практики в жизненном мире советского педагога 1950-х годов // 1956: Незамеченный термидор. Очерки провинциального быта / Ред. А. В. Бушмаков, О. Л. Лейбович и др. Пермь, 2012. С. 130-164.

⁷ Stephen V. Bittner. The Many Lives of Khrushchev’s Thaw: Experience and Memory in Moscow’s Arbat. Ithaca, NY, 2008. P. 74.

оговорочно отрицательной. Представляется возможным обратиться к предложенной Кевином Платтом концепции “дезаурирования травмы”, частным случаем которого является режим памяти о сталинском прошлом, требующий “от граждан, чтобы они одновременно и признавали известную жестокость и несправедливость прошлого, и отводили бы от нее глаза”.⁸ Двойственность подобного режима (не)высказывания при общедоступности знания о травматичном прошлом не предполагала возможности сформулировать публично какое бы то ни было однозначное утверждение о сталинских репрессиях. Но с другой стороны, идеологическая неопределенность, возникшая после XX съезда, позволяла предлагать различные проекты пересмотра содержания и формы преподавания истории в школе.

Безусловно, изменения в преподавании истории в советской школе не исчерпывались переоценкой роли Сталина. Однако попытки осмыслить период “культа личности” стали своеобразным ключом, открывавшим пространство для более широких дискуссий о советском и досоветском прошлом, участниками которых стали представители государственной власти, академическое сообщество, художественная интеллигенция, школьные учителя.⁹ В практическом преломлении каждая из названных групп ставила перед собой разные проблемы, актуализируя их за счет привязки к концепту “культа личности”. Так, перед учителями истории, как минимум, стояла необходимость замены учебных пособий, переполненных цитатами из трудов “великого вождя”. В конечном итоге, переоценка недавно завершившегося исторического периода ставила вопросы об источнике и природе политической власти в советском государстве и, что более важно в контексте этой статьи – о том, обладают ли советская историческая наука и педагогика действенными инструментами для анализа прошлого. Для педагогов

⁸ К.М.Ф. Платт. Идти в науку – терпеть муку: травма и дисциплина в российской школе // Новое литературное обозрение. 2013. № 124. С. 37. О дезавуировании травмы сталинизма после XX съезда КПСС подробнее см.: Idem. Secret Speech: Wounding, Disavowal, and Social Belonging in the USSR // Critical Inquiry. 2016. Vol. 42. No. 3. Pp. 647-676.

⁹ Polly Jones. Myth, Memory, Trauma. Rethinking the Stalinist Past in the Soviet Union, 1953–70. New Haven, 2013; Polly Jones (Ed.). The Dilemmas of De-Stalinization: Negotiating Cultural and Social Change in the Khrushchev’s Era London, 2006; Denis Kozlov, Eleonor Gilburd (Eds.). The Thaw: Soviet Society and Culture in 1950s and 1960s. Toronto, 2013; К. Уль. Поколение между “героическим прошлым” и “светлым будущим”: роль молодежи во время “оттепели” // Антропологический форум. 2011. № 15. С. 270-326.

и руководителей органов образования эти проблемы сливались в один проклятый вопрос: “Что мы скажем детям?”¹⁰

Идеологическая функция преподавания истории – формирование непротиворечивого представления о прошлом, воспитание чувства принадлежности к государству, политической лояльности и патриотизма – в советской школе преобладала.¹¹ Уже это ставило, казалось бы, узко методические проблемы в центр идеологических дискуссий, проходивших не только в профильных институциях, но и в государственных и партийных органах, вплоть до ЦК КПСС. Ситуация осложнялась тем, что идеологической основой изучения и преподавания истории в СССР, обеспечивавшей государственную монополию на интерпретацию прошлого, было подготовленное в 1938 году при личном участии Сталина пособие “История ВКП(б). Краткий курс”.¹² Поэтому развенчание культа личности не просто инициировало смену политических оценок сталинского правления, но ставило вопрос о выработке нового языка для разговора об истории.

Таким образом, в статье, ставящей перед собой цель проанализировать глубину изменений, происходивших 1956–1957 гг. в преподавании истории в школе, конкретные инициативы академических историков и методистов будут рассмотрены в более широком контексте идеологических поворотов в “оттепельном СССР”. Позиция рядовых учителей сознательно представлена только реакцией на решения, спускаемые сверху, поскольку низовые инициативы педагогов невозможно проанализировать вне контекста изменений, происходивших в учебно-воспитательной работе, а также без учета различных конфигураций властных отношений, специфических для каждой отдельной школы. Рассмотрение этих вопросов нуждается в отдельном исследовании.

¹⁰ И. Кон. 80 лет одиночества. Москва. 2008. С. 55. Этой фразой, по воспоминаниям социолога И. С. Кона, ленинградские учителя высказывали свою растерянность академику А. М. Панкратовой, прибывшей из Москвы инструктировать их “в свете решений XX съезда”. О других реакциях на ее выступления будет сказано далее.

¹¹ М. Ферро. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. Москва, 2010. С. 191-241.

¹² М. Гловинский. Не пускать прошлого на самотек. История ВКП(б) как мифическое сказание // Новое литературное обозрение. 1996. № 22. С. 142-160; Е. Добренко. Музей революции: советское кино и сталинский исторический нарратив. Москва, 2008. С. 290-310; Краткий курс истории ВКП(б): Текст и его история. Сб. док. в 2 ч. / Сост. М. В. Зеленов, Д. Бранденбергер. Москва, 2014.

“Тормозящее прогрессивную науку воздействие культа личности”

Порожденная XX съездом КПСС риторика “борьбы с культом личности” не только инициировала дискуссию о преступлениях сталинского режима, но и привела к глубоким изменениям официального советского дискурса.¹³ Осмысление сталинских репрессий стало хотя и наиболее острой, но не единственной проблемой, поднятой XX съездом. Во-первых, в “Секретном докладе” Н. С. Хрущева и в выступлениях некоторых других делегатов съезда утверждалось, что “культ личности” привел к забвению ленинских принципов коллективного партийного руководства. Этот тезис стал риторической основой для критики “маленьких сталиных” на местах и заметно способствовал возрастанию низовой общественно-политической активности.¹⁴ Во-вторых, преувеличение роли личности в истории было названо несовместимым с принципами исторического материализма.

Главным критиком “субъективно-идеалистических взглядов на роль личности в истории” на XX съезде стала А.М. Панкратова.¹⁵ Член ЦК КПСС, единственная на тот момент женщина-академик АН СССР, редактор академического журнала “Вопросы истории”, она воспринималась как олицетворение ортодоксальной советской исторической науки.¹⁶ Несмотря на то, что многие коллеги обвиняли ее в чрезмерной идеологической гибкости,¹⁷ ее мнение было авторитетным как для профессионального сообщества, так и для партийной власти. Поэтому ее достаточно общее и полное ритуальных фраз выступление,

¹³ Benjamin Tromly. *Intelligentsia Self-Fashioning in the Postwar Soviet Union: Revol't Pimenov's Political Struggle, 1949–57* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2012. Vol. 13. No. 1. Pp. 151-154; Ал. Бикбов. Тематизация “личности” как индикатор скрытой буржуазности в государстве “зрелого социализма” // *Персональность: Язык философии в русско-немецком диалоге / Под ред. Н. С. Плотникова и др.* Москва. 2007. С. 404-427; О. Хархордин. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. Санкт-Петербург. 2002. С. 435-471.

¹⁴ Susanne Schattnerberg. “Democracy” or “Despotism”? How the Secret Speech Was Translated into Everyday Life // Jones (Ed.). *The Dilemmas of De-Stalinization*. Pp. 64-79.

¹⁵ Речь тов. Панкратовой А. М. // XX съезд коммунистической партии Советского Союза 14–25 февраля 1956. Стенографический отчет. Т. 1. Москва, 1956. С. 619.

¹⁶ О ней см. подробнее: *Историк и время: 20–50-е годы XX века: А. М. Панкратова / Отв. ред. Ю. С. Кукушкин.* Москва, 2000.

¹⁷ Как правило, ей вменяли в вину, что, будучи ученицей М. Н. Покровского, она приняла участие в разгроме его научной школы. Также вопросы вызывало то, что, долгое время выступая как сторонник пролетарского интернационализма, в конце 1940-х Панкратова представила серию работ, посвященных “великому русскому народу”.

критиковавшее “тормозящее воздействие” культа личности на изучение истории, должно было быть воспринято как официальная позиция КПСС. Одним из средств преодоления стагнации в исторической науке должна была стать “написанная научно и увлекательно” обобщающая книга по истории советского общества.¹⁸ Делегатам съезда по умолчанию понимали, что до сих пор такой обобщающей работой являлся “Краткий курс истории ВКП(б)”.

Критика культа личности как причины застоя в исторической науке была продолжена в передовой статье журнала “Вопросы истории”, редактируемого А. М. Панкратовой¹⁹. По мнению редакции, кризис следовало преодолевать постепенно, путем переработки внезапно устаревших книг и поощрения академических дискуссий:

Не в исключении цитат и вычеркивании имен состоит преодоление культа личности. ... [Его] нельзя рассматривать как скоропалительную кампанию. Многие конкретно-исторические вопросы не могут быть решены сразу, в один присест. Их нельзя решить с помощью “всеспасительных” указаний, к которым так привыкли наши кадры, или “директивных” статей. Правильное решение назревших вопросов возможно прежде всего в результате свободного обмена мнениями, творческих дискуссий и научных исследований.¹⁹

Заявленные в статье принципы предполагаемых изменений в исторической науке заметно отличались от сталинских кампаний по “переписыванию прошлого”, но нельзя сказать, что они были порождены XX съездом.

А. М. Панкратова стала редактором “Вопросов истории” через несколько месяцев после смерти Сталина, и уже в первом номере, выпущенном под ее руководством, зазвучали призывы “смелее развертывать борьбу мнений среди историков” и критика историков за то, что в их работах “нередко остается в тени главное действующее лицо истории – народ”.²⁰ Таким образом, можно предположить, что решения XX съезда были восприняты Панкратовой и ее коллегами как сигнал к озвучиванию уже выношенных идей о главенствующей роли народных масс в историческом процессе.

¹⁸ Речь тов. Панкратовой А. М. С. 620.

¹⁹ XX съезд КПСС и задачи исследования истории партии // *Вопросы истории*. 1956. № 3. С. 12.

²⁰ О некоторых важнейших задачах советских историков // *Вопросы истории*. 1953. № 6. С. 7, 11.

Хотя новая статья касалась, в первую очередь, освещения послеоктябрьской истории партии, ее реформаторский пафос был адресован всем советским историкам, независимо от того, каким периодом и какими теоретическими проблемами они занимались. Подчеркивалась ответственность профессионального сообщества за положение в исторической науке, ведь в стагнации, по мнению авторов, был виноват не только Сталин, но и "равнодушные и безынициативные люди, не умеющие и не желающие самостоятельно мыслить, действующие лишь в пределах "установок" и стремящиеся прикрыть собственное научное бесплодие чужим авторитетом".²¹ Таким образом, преодоление последствий культа личности должно было стать личным делом каждого советского историка.

Эти призывы находили отклик у тех академических историков, которые связывали с развенчанием культа личности надежды на освобождение исторической науки из-под идеологического гнета. Так, Р. Ш. Ганелин приводит в своих мемуарах ходивший в профессиональной среде в 1956 году слух, будто бы А. М. Панкратова действовала по личному указанию Хрущева, сказавшего ей примерно следующее: "Ты, Анна Михайловна..., скажи своим историкам, чтобы ничего не боялись, обо всем нам писали и говорили. То, что было, никогда больше не повторится".²² Хотя этот слух вполне отвечал оттепельным надеждам на либеральные реформы, поведение исторического сообщества второй половины 1950-х можно охарактеризовать, скорее, как выжидательное. Нежелание "обо всем писать и говорить" объяснялось не только укорененным страхом или симпатиями к сталинскому времени, но и неуверенностью (во многом, оправдавшейся) в том, что призывы к реформированию исторической науки будут реализованы в полной мере. Перед преподавателями и школьными учителями, в свою очередь, вставал ряд специфических проблем, связанных с организацией учебного процесса.

Преподавание истории в условиях идеологической неопределенности

Академический журнал "Вопросы истории" был рассчитан на профессиональную аудиторию, однако идеи, высказывавшиеся на его страницах, могли быть адресованы более широкому кругу читателей, и

²¹ XX съезд КПСС и задачи исследования истории партии. С. 4-5.

²² Р. Ганелин. Советские историки: о чем они говорили между собой. Страницы воспоминаний о 1940-х –1970-х годах. Санкт-Петербург, 2004. С. 130.

в первую очередь, педагогическому сообществу. Так, июньский выпуск журнала "Народное образование" опубликовал подробное изложение передовой "Вопросов истории" в формате библиографического обзора. Необходимость этого объяснялась тем, что содержание статьи является "исключительно ценным для работников школы, а журнал из-за небольшого тиража попадает далеко не во все школы. И в программах, и в учебниках по истории... имеются те же ошибки и недостатки, которые отмечены в разработке и освещении истории партии".²³ Значительная часть педагогических изданий, на которые ориентировались в своей работе школьные учителя, соглашаясь с необходимостью преодолевать последствия "культа личности", не предлагала читателям конкретных рекомендаций. Например, "Преподавание истории в школе", призывая учителей "полностью изгнать вредные и опасные 'теории' культа личности, субъективно-идеалистические взгляды на историю, вести непримиримую борьбу за чистоту марксистско-ленинской теории исторического процесса", не только ни разу не упомянуло имени Сталина, но и не привело конкретных искажений исторического материализма.²⁴

Педагогическое сообщество находилось в непростой ситуации. С одной стороны, учителя, авторы методических изданий и представители системы управления образованием не могли не согласиться с декларированной на уровне ЦК партии и Академии наук необходимостью пересмотра основ изучения и преподавания истории. Так, уже в апреле 1956 года журнал "Советская педагогика" опубликовал статью, в которой эти вопросы ставились как неотложные: "Назрела острая потребность и в серьезном пересмотре программы и учебников по истории. У нас до сих пор нет научно-обоснованной системы исторического образования в школе".²⁵ Но в то же время было понятно, что сколь бы верными ни были заявления о недопустимости преодоления последствий культа "в один присест", реальная ситуация в школе требовала незамедлительных действий.

В первую очередь, необходимо было решать вопрос о преподавании истории в X классе. Последняя четверть учебного года традиционно отводилась в выпускном классе изучению послевоенной истории СССР, разговор о которой был невозможен без упоминания Сталина.

²³ П. Симаков. Актуальные статьи в журнале "Вопросы истории" // Народное образование. 1956. № 6. С. 69.

²⁴ Съезд победоносных строителей коммунизма // ПИШ. 1956. № 2. С. 10.

²⁵ Решения XX съезда КПСС и задачи педагогической науки // Советская педагогика. 1956. № 4. С. 12.

Развенчание культа личности сделало прежние оценки советского прошлого неактуальными, но новые учебные программы и пособия еще не были подготовлены. Поэтому уже в марте 1956 года учителям было предписано вместо учебника изучать отчетный доклад ЦК КПСС XX съезду и резолюции по нему.²⁶

Сложившаяся ситуация была неоднозначно воспринята педагогами. Об этом свидетельствовали результаты инструктивных собраний, проведенных по итогам XX съезда. Помимо своей основной задачи (докладчики знакомили собравшихся с положениями “Секретного доклада”) эти встречи выполняли функцию своеобразного мониторинга общественного мнения. По их итогам составлялись аналитические записки, цитировавшие типичные вопросы. Лекторами, как правило, выступали идеологические работники, либо “идейно зрелые” специалисты в той области, представители которой были собраны для инструктажа. Серию докладов о решениях съезда для московских и ленинградских академических историков и учителей подготовила А. М. Панкратова.

Из вопросов, заданных ей на собраниях, видно, что некоторые учителя восприняли “развенчание культа личности” как возможное начало преодоления догматизма в преподавании истории. Педагоги, интересовавшиеся, можно ли теперь “пользоваться стенограммами съездов партии, воспоминаниями старых большевиков и многой прочей литературой, раньше изъятой”, явно были знакомы с этими документами и ждали разрешения вернуть их в учебный процесс.²⁷ Вопросы о том, стоит ли “рассматривать троцкистов, бухаринцев и проч. уклонистов только как идейных противников генеральной линии партии, а не как шпионов, диверсантов, прямых агентов иностранных разведок”, можно расценивать не просто как просьбу разъяснить партийный взгляд на идеологическую борьбу 1920–1930-х, но и как попытку легитимировать через ответ высокопоставленной докладчицы собственную историографическую и политическую позицию.²⁸

Впрочем, поскольку с 1938 года именно Панкратова была редактором трехтомного учебника по истории СССР для средней школы и

²⁶ Приказ Министерства просвещения РСФСР № 62-М “Об ознакомлении учащихся общеобразовательных школ с материалами и решениями XX съезда КПСС” // Сборник приказов и инструкций Министерства просвещения РСФСР. 1956. № 17. С. 12.

²⁷ “В чем положительное значение И. В. Сталина?” Вопросы учителей истории после XX съезда. Записка 20 / Подгот. Б. И. Беленкин. <http://www.urokiistorii.ru/history/soc/1367> (нумерация соответствует принятой в публикации).

²⁸ Ibid. Записка 44.

автором тома, предназначенного для X класса, большая часть педагогов ждала от нее конкретных методических указаний: “В учебнике 9 класса имеется ряд цитат из сочинений И. В. Сталина. Какими из них следует пользоваться, а какими не следует?”²⁹ Многих учителей интересовало, не является ли теперь обращение к фигуре Сталина опасным для карьеры проявлением “политической близорукости” – еще свежа была память о патриотическом повороте в историографии 1940-х, столь же радикально изменившем идеологические трактовки учебного курса.³⁰

Подводя итоги своих встреч в записке для ЦК КПСС, А. М. Панкратова предлагала отказаться от проведения экзаменов на аттестат зрелости по истории СССР в конце учебного года:

Зная положение в школе, я целиком поддерживаю просьбу учителей, так как необходимо учителям и учащимся разобраться во многих вопросах, и ко времени осенних занятий подготовить новые программы и учебники. Экзамены по истории в средней школе в нынешней ситуации принесли бы не пользу, а вред.³¹

На протяжении всей весны 1956 года ни в Министерстве просвещения РСФСР, ни в отделе школ ЦК КПСС не существовало единого мнения по вопросу об экзамене. В фондах Министерства сохранился черновик записки, в которой министр просвещения И. А. Каиров предлагал либо вообще отказаться от проведения экзамена, либо ограничить объем спрашиваемого материала только курсом X класса.³² На момент ее написания он еще не пришел к окончательному решению – у документа было два варианта концовки. Затем уже новый министр Е. И. Афанасенко подготовил приказ “О сроках окончания учебных занятий и проведения экзаменов в школах в 1956”, вторым пунктом которого значилось решение не проводить экзамен по истории в X классе. Однако позднее эта строчка была вычеркнута.³³ Окончатель-

²⁹ Ibid. Записка 29.

³⁰ Ibid. Записки 10, 13-14, 18-19, 29, 39-41.

³¹ Докладная записка академика А. М. Панкратовой в ЦК КПСС об итогах выступления в Ленинграде с лекциями и докладами на тему “XX съезд и задачи исторической науки” [не ранее 23.03.1956] // Доклад Н. С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС: Документы. Москва, 2002. С. 441.

³² Записка министра просвещения РСФСР в ЦК КПСС об отмене переводных экзаменов в IV, V, VI, VII и IX классах и о некотором облегчении сдачи экзаменов на аттестат зрелости [не позднее 9.03.1956] // ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 72. Д. 5237.

³³ Приказ министра просвещения РСФСР № 111 от 4.04.1956 “О сроках окончания учебных занятий и проведения экзаменов в школах в 1956” // ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 72. Д. 5093. Л. 90.

ное решение вопроса об экзамене было принято спустя две недели в формулировке “По истории СССР в текущем году в аттестат зрелости выставляется годовая оценка...” – по другим предметам в аттестат шла экзаменационная оценка.³⁴

“Промежуточные” учебные пособия

После того как вопрос с аттестацией выпускников был решен, Министерство просвещения получило возможность перейти к разработке новых учебников. Поскольку перед ним не стояло цели обеспечить школы к началу учебного года новыми пособиями, очищенными от “последствий культа личности” (она вряд ли вообще была достижима в столь сжатые сроки), летом 1956 года были сформулированы “Указания о преодолении культа личности и его последствий в преподавании учебных предметов”. В отсутствие переработанных комплектов учебно-методической литературы, “Указания” наряду с обновленными учебными программами становились методической основой преподавания. Новый документ обращал внимание педагогов на то, что “учебные программы, буквари, учебники и учебные пособия, педагогическая и методическая литература в течение ряда лет пропагандировали культ личности Сталина, долгое время учащиеся должны были заучивать содержащиеся в учебниках неправильные формулировки и ошибочные утверждения, проникнутые культом личности”.³⁵ Фиксируя “ошибочные” положения пособий, “Указания” практически не предлагали конкретных вариантов перестройки преподавания. Ответственность за их выполнение ложилась на плечи учителей, которым было рекомендовано “критически подходить к материалу учебников..., устраняя неправильные положения и примеры, связанные с культом личности И. В. Сталина, и разъясняя учащимся те вопросы, которые получили в учебниках неверное освещение”.³⁶ В некоторых публикациях, разъяснявших указания о преодолении культа

³⁴ Приказ министра просвещения РСФСР № 88-М от 21.04.1956 “О порядке выведения в X классе итоговых отметок по русскому языку, литературе и истории, подлежащих внесению в аттестат зрелости” // Сборник приказов и инструкций Министерства просвещения РСФСР. 1956. № 19. С. 28.

³⁵ Указания [Министерства просвещения РСФСР] о преодолении культа личности и его последствий в преподавании учебных предметов 15.07.56 // ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 72. Д. 5268. Л. 2.

³⁶ Ibid. Л. 5.

личности, учебники вообще объявлялись “тормозом улучшения преподавания истории”.³⁷

Единственным исправленным пособием, поступившим в школы к началу 1956/57 учебного года, стал учебник по истории СССР для X класса, посвященный отечественной истории XX века.³⁸ Работа над его переизданием была начата еще до XX съезда и, очевидно, была вызвана борьбой с учебными перегрузками.³⁹ Гранки для вычитки были присланы А. М. Панкратовой 14 февраля 1956 года, окончательную редакцию издательство рассчитывало получить к началу марта, но подготовка книги завершилась только в июле 1956 года.⁴⁰ В августе она была передана в печать, и к новому учебному году тираж поступил в школы.

Поскольку новая редакция готовилась не более пяти месяцев,⁴¹ А. М. Панкратовой пришлось работать наперекор собственным призывам не ограничивать преодоление культа личности “исключением цитат и вычеркиванием имен”. Если до 1956 года Сталин изображался главным вдохновителем и организатором побед советского государства, то теперь его имя встречалось на страницах учебника гораздо реже. Из многочисленных портретов вождя, изображавших его в разные моменты жизни, в новом издании была оставлена лишь протокольная фотография в параграфе об индустриализации. Наиболее серьезным правкам подвергся раздел, посвященный Великой Отечественной войне. Из учебника исчезли пассажи о “вероломном характере” нападения Германии на СССР. Имя главнокомандующего советской армии (вне топонима “Сталинград”) в главах нового учебника называлось всего два раза.

³⁷ О задачах преподавания истории и развитии методики истории в свете решений XX съезда КПСС // ПИШ. 1956. № 4. С. 7.

³⁸ История СССР. Часть третья. Учебник для 10 класса средней школы / Под ред. А. М. Панкратовой. Москва, 1956. Поскольку название учебника не менялось все годы его издания, ссылки на различные редакции указываются в формате: “История СССР”, год издания и номер страницы.

³⁹ В итоге объем учебника сократился на треть – с двадцати семи печатных листов до восемнадцати. Сокращениям подверглись многие сюжеты, никак не связанные с личностью Сталина.

⁴⁰ Записка начальника УЧПЕДГИЗ С. Языкова в ЦК КПСС об издании учебника по истории СССР для X класса. 10.04.1956 // РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 16. Д. 4. Л. 38.

⁴¹ От 25 февраля (последний день XX съезда, оглашение “Секретного доклада”) до 24 июля (сдача в печать журнала “Преподавание истории в школе”, приветствовавшего выход нового учебника). Скорее всего, переработка заняла еще меньше времени.

Менее заметными, но не менее важными стали новые характеристики внутрипартийной оппозиции. Презумпция вредительского умысла в действиях Троцкого и его "приспешников" сменилась признанием ошибочности их взглядов. Так, в старом издании, говоря об обороне Урала в 1918 году, авторы сообщали, что "в этот решающий момент Троцкий предательски предложил задержать наступление Красной армии на Уфу, снять часть войск с Восточного фронта и перебросить на Южный".⁴² Учебник 1956 года ничего не говорил о предательстве Л. Д. Троцкого. Более того, учащиеся узнавали, что в тот момент он был председателем Реввоенсовета Республики (предыдущие издания об этом умалчивали).⁴³ Таким образом, исторический нарратив лишился важнейшего для сталинской историографии образа врага, борьба с которым задавала динамику исторического процесса периода "строительства социализма".⁴⁴ Исчезновение мотива заговора было столь же сильным шагом по деконструкции прежней идеологической схемы историописания, как и вычеркивание имени Сталина – за счет смены акцентов в преподавании истории борьбы с внутрипартийной оппозицией заметно снижался уровень символического насилия в учебном тексте.

Можно предположить, что А. М. Панкратова готовила новую редакцию учебника, опираясь на вопросы, заданные ей учителями весной 1956 года. Так, изменение трактовки событий Гражданской войны выглядит как ответ на вопрос: "Как освещать роль Троцкого в период гр-й войны. Или продолжать молчать об этом?"⁴⁵ Но дело, скорее, обстояло наоборот, поскольку свои аналитические записки в ЦК КПСС Панкратова составляла исходя из собственного понимания того, как изучать и преподавать историю по-марксистски. Основываясь на концепции "народных масс как творцов истории", она предлагала распространить "преодоление последствий культа личности" на дореволюционную историю: пересмотреть роль монархов и полководцев и отказаться от национал-патриотического взгляда на дореволюционную внешнюю политику и положение народов Российской империи.

Эти идеи должны были быть последовательно раскрыты в первых двух томах учебника. Книга для VIII класса, написанная Л. П. Бушиком, в 1956/57 учебном году была опробована в качестве эксперименталь-

ного пособия в ряде школ СССР и получила положительные отзывы педагогов и методистов.⁴⁶ Учебник для IX класса так и не был подготовлен. О его содержании можно получить представление благодаря разработанному А. М. Панкратовой и Л. П. Бушиком методическим указаниям "Вопросы преподавания истории СССР в свете решений XX съезда КПСС".⁴⁷ Осенью 1956 года брошюра вышла пятидесяти тысячным тиражом. В сокращенном виде ее опубликовали на страницах "Учительской газеты" в рубрике "В помощь учителю", после чего уже газетный вариант был напечатан отдельным изданием.⁴⁸ Столь значительный тираж позволял распространить методические рекомендации максимально широко.

Брошюра предлагала целиком пересмотреть концепцию преподавания отечественной истории в школе, поскольку, по мнению авторов, "культ личности нашел свое отражение уже при изучении первых разделов истории СССР, посвященных истории древнерусского государства".⁴⁹ Учителям рекомендовалось вместо изучения биографий дореволюционных правителей России большее внимание уделять роли народных масс. Личности монархов предлагалось оценивать примерно по следующей схеме: "Александр Невский был патриотом, смелым, мужественным человеком. ... Было бы, однако, ошибкой не показать учащимся классово-феодальный характер его политики..."⁵⁰ Можно согласиться с Ф. Б. Шенком, заметившим, что Панкратова опиралась на идеи своего учителя, М. Н. Покровского.⁵¹ Однако полной реабилитации классового подхода в духе 1920-х гг. не произошло. Авторы брошюры заняли промежуточную позицию и рекомендовали при рассмотрении роли масс в истории не умалять роль вождей народных движений.

⁴⁶ В. П. Лысцов, А. Н. Москаленко, А. Г. Талова. Учебник проходит проверку // ПИШ. 1957. № 1. С. 45-49.

⁴⁷ Вопросы преподавания истории СССР в свете решений XX съезда КПСС. Сокращенная стенограмма лекций академика А. М. Панкратовой и старшего научного сотрудника Академии педагогических наук Л. П. Бушика на семинаре в ЦИПКРНО / Под ред. А. М. Панкратовой. Москва, 1956.

⁴⁸ Некоторые вопросы преподавания истории СССР в школе // Учительская газета. 1956. 22 сентября. С. 3; Некоторые вопросы преподавания истории СССР в школе. Б.м., 1956.

⁴⁹ Вопросы преподавания. С. 8.

⁵⁰ Ibid. С. 11.

⁵¹ Фритъоф Б. Шенк. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000). Москва, 2007. С. 435-436.

⁴² История СССР. 1955. С. 241.

⁴³ История СССР. 1956. С. 145.

⁴⁴ Добренко. Музей революции. С. 299.

⁴⁵ "В чем положительное значение Сталина?". Записка 30.

Не вполне завершенной была и переоценка дореволюционной внешней политики России. Признавая положительные стороны присоединения к Российской империи новых территорий, Панкратова и Бущик настаивали на том, что в целом внешняя политика царизма оставалась колонизаторской. Центральным сюжетом этого раздела стала Кавказская война XIX века.⁵² С имама Шамиля были сняты обвинения в шпионаже в пользу Англии и Турции, а сопротивление горцев предлагалось рассматривать как национально-освободительное движение. Тем не менее, национал-патриотической историографии 1930–1940-х годов был противопоставлен не интернационалистский пафос 1920-х, а компромиссная идея об “органическом сочетании советского патриотизма с интернационализмом”.⁵³

На последней странице брошюры ее авторы от лица советских историков обещали приложить “все усилия к тому, чтобы ...школа в самом недалеком будущем получила новые исторические учебники, а учителя-историки – новые пособия к ним”.⁵⁴ Судя по всему, А. М. Панкратова видела реформирование школьного исторического образования шире, чем просто замену пособий. 9 октября 1956 она обратилась в ЦК КПСС и Министерство просвещения с предложением ввести в советской школе преподавание по разным комплектам учебников. Это, по ее мнению, должно было “усилит[ь] соревнование между авторами и, следовательно, улучшит[ь] качество учебников”.⁵⁵ До сих пор в СССР учебники разных авторов по одному и тому же предмету могли использоваться только во время апробирования конкурсных вариантов учебных пособий, когда из двух или более экспериментальных экземпляров выбирался лучший.⁵⁶

⁵² Вопросы преподавания. С. 36-40.

⁵³ Там же. С. 6. Соотношение большевистского интернационализма и национал-патриотических идей было для А. М. Панкратовой важной и, видимо, до конца не решенной проблемой не только теоретического, но и этического плана. Об этом см. подробнее: М. Х. Асылбеков. Вклад академика А.М. Панкратовой в историческую науку Казахстана // История Казахстана. <http://e-history.kz/ru/contents/view/368>; Б. И. Беленкин. Исправленному не верить! Десталинизация на раннем этапе: третья редакция “Великого русского народа” А. М. Панкратовой // После Сталина. Реформы 1950-х годов в контексте советской и постсоветской истории. Москва, 2016. С. 117-128.

⁵⁴ Вопросы преподавания. С. 75.

⁵⁵ Письмо А. М. Панкратовой секретарю ЦК КПСС П. П. Поспелову и министру просвещения РСФСР Е. И. Афанасенко. 9.10.1956 // РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 16. Д. 4. Л. 131.

⁵⁶ См. напр.: И. Поляк. Какой учебник лучше? // Учительская газета. 1956. 31 марта. С. 2; А. А. Янко-Триницкая. Некоторые итоги работы с учебниками по истории Древнего мира // ПИШ. 1957. № 1. С. 32-45.

Идея введения альтернативных учебников по истории неоднократно озвучивалась в 1956 году на страницах педагогических изданий. Авторы доброжелательной рецензии на экспериментальный учебник Л. П. Бущика предлагали “объявить конкурс и рекомендовать к преподаванию не один, а несколько лучших учебников”.⁵⁷ Участники расширенного совещания Сектора методики истории и Конституции СССР Академии педагогических наук СССР включили в резолюцию собрания пункт: “Считать целесообразным выпуск параллельных учебников”.⁵⁸ Таким образом, ситуация внезапного отсутствия твердых методических указаний и новых учебных пособий давала возможность для формулирования альтернативных вариантов преподавания и проектов преобразования образовательной системы. Тем не менее, серьезных изменений в преподавании не произошло ни в этом, ни в следующем учебном году.

Ошибочная линия журнала “Вопросы истории”

Инициативы Панкратовой и ее единомышленников были встречены большинством учителей достаточно прохладно. Призыв “критически подходить к материалу учебников” воспринимался, скорее, как лишение теоретической и идеологической опоры преподавания, нежели как приглашение к педагогическому поиску. Так, например, работник Ленинградского ОблОНО А. А. Андреев на партсобрании отдела летом 1956 года высказывал опасения, что в новом учебном году не все учителя смогут успешно перестроиться, поскольку “учебники на этот год остаются у нас почти те же... Материал нужно будет преподносить правильно, объективно. Это очень трудно, т.к. найдутся учителя, которые не совсем ясно понимают еще отдельных теоретических вопросов”.⁵⁹ Подводя промежуточные итоги первого полугодия 1956/57 учебного года, специалисты Академии педагогических наук отмечали, что “учителя и методисты не могли до сих пор четко определить, каким должно быть содержание школьного курса истории, что же понимать под основами исторической науки”.⁶⁰ Некоторые педагоги, оказавшиеся перед

⁵⁷ Лысцов, Москаленко, Талова. Учебник проходит проверку. С. 49.

⁵⁸ Г. В. Захарова, В. Е. Степанова. Общественное внимание к вопросам методики преподавания истории // ПИШ. 1957. № 1. С. 59.

⁵⁹ Протокол № 8 партийного собрания парторганизации Ленинградского областного отдела народного образования. 19.07.1956 // Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф.827. Оп. 2. Д. 7. Л. 39.

⁶⁰ Захарова, Степанова. Общественное внимание к вопросам. С. 51.

необходимостью самостоятельно искать “золотую середину” между “советским патриотизмом” и “пролетарским интернационализмом”, между умалением и преувеличением роли личности в истории, держались привычных методов преподавания и даже после полной замены комплектов учебников предпочитали использовать “дореформенную” учебную литературу.⁶¹

С другой стороны, в течение всего 1956 года набирало обороты внутрипартийное сопротивление линии XX съезда. Представители консервативного крыла ЦК КПСС методично напоминали об опасности спутать поощряемую критику культа личности и недопустимую критику политики ВКП(б)–КПСС, а по сути, мечтали о сворачивании любых реформаторских инициатив Н. С. Хрущева. После подавления Будапештского восстания осенью 1956 года опасения, что дискуссии об истории партии могут перерасти в антиправительственные выступления, только усилились. В этих условиях становилось все труднее предложить новую трактовку событий советской истории.

Так, в ноябре 1956 года И. Б. Берхину из набора была возвращена рукопись методического пособия для учителей “История СССР (1917–1956 гг.)”. В вину ему ставилось “стремление... обелить враждебные выпады троцкистов и бухаринцев против партии в 1917–1920 годах”.⁶² Записка, направленная в ЦК КПСС, сообщала, что в рукописи “по отношению к врагам подобраны специальные формулировки, смягчающие остроту борьбы... против Коммунистической партии. ... Во все места, где троцкисты и бухаринцы назывались врагами рабочего класса, автором внесены исправления, слова ‘троцкисты и бухаринцы’ исключены”.⁶³ Поскольку партийные решения, осудившие “уклоны” от генеральной линии ВКП(б), не были отменены после осуждения Сталина, работу И. Б. Берхина восприняли как покушение на непогрешимость КПСС, коллективные действия которой рассматривались как противоядие культа личности.

19 декабря 1956 года в местные партийные органы было направлено закрытое письмо ЦК КПСС “Об усилении политической работы партийных организаций и пресечении вылазок антисоветских элементов”.

⁶¹ Е. А. Костюкевич. О некоторых итогах истекшего учебного года // ПИШ. 1957. № 6. С. 69.

⁶² Записка заведующего отделом науки, школ и культуры ЦК КПСС по РСФСР Н. Д. Казмина в Бюро ЦК КПСС по РСФСР о рукописи пособия для учителей “История СССР (1917–1956 гг.)” 12.11.1956 // РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 16. Д. 4. Л. 150.

⁶³ Ibid.

Этот документ замедлил темпы десталинизации, объявив критику Сталина и созданной им государственной системы демагогическими выпадами и антисоветскими проявлениями. Практическим следствием письма стала наиболее массовая в послесталинский период кампания политических репрессий, в ходе которых около четырех тысяч советских граждан были арестованы, а еще большее число подверглось внесудебному преследованию. Главными причинами арестов были симпатии к Венгерскому восстанию и “демагогические выпады” против политики партии.

В числе прочего, в письме утверждалось, что “извращения в освещении вопросов истории КПСС, которые преподносятся под видом исправления недостатков и преодоления культа личности в исторической науке, способствуют оживлению ревизионистских взглядов и настроений...”⁶⁴ Особого внимания был удостоен журнал “Вопросы истории”, допускавший “одностороннюю трактовку в освещении отдельных важных проблем”.⁶⁵ Критика журнала в советской печати велась с лета 1956 года, но до сих пор журналу удавалось полемизировать со своими оппонентами. Закрытое письмо и принятое в марте 1957 года специальное постановление ЦК КПСС однозначно признали редакционную политику журнала идейно неверной.⁶⁶ Часть сотрудников редакции были уволены. А. М. Панкратова сохранила свой пост, но во время кампании, развернутой против журнала, у нее случился инфаркт, в результате которого она умерла 25 мая 1957 года.⁶⁷

После смерти Панкратовой ревизионистскими были признаны и ее инициативы по реформированию преподавания истории. Авторы рецензии на “Вопросы преподавания истории СССР...” отмечали, что в брошюре “отразилась ошибочная линия журнала ‘Вопросы истории’.”

⁶⁴ Об усилении политической работы партийных организаций и пресечении вылазок антисоветских элементов. Закрытое письмо ЦК КПСС. 19 декабря 1956 // Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Т. II. Февраль 1956 – начало 80-х годов / Сост. А. Н. Артизов и др. Москва, 2003. С. 211.

⁶⁵ Об усилении политической работы. С. 211.

⁶⁶ О журнале “Вопросы истории”. Постановление ЦК КПСС. 9 марта 1957 // Справочник партийного работника. Москва, 1957. С. 381–383.

⁶⁷ Подробнее см: Roger D. Markwick. Rewriting History in Soviet Russia. The Politics of Revisionist Historiography. 1956–1974. London, 2001. Pp. 51–62; В. В. Поликарпов. “Новое направление” 50–70-х гг.: последняя дискуссия советских историков // Советская историография / Отв. ред. Ю. А. Афанасьев. Москва, 1996. С. 349–400; Л. Сидорова. Оттепель в исторической науке. Советская историография первого послевоенного десятилетия. Москва, 1997. С. 109–162.

Вместо того, чтобы указать учителям на вредное влияние культа личности Сталина на изучение советского периода, Панкратова и Бушкиса якобы “попытались представить дело таким образом, будто освещение истории нашей родины начиная с самых отдаленных времен пронизано культом личности”.⁶⁸ Учителя, делившиеся своим опытом работы с новым учебником для X класса на страницах методического журнала “Преподавание истории в школе”, скрупулезно фиксировали расхождения между текстом учебника и требованиями программы, неточности в передаче фактов и стилистические огрехи. Автор одной из рецензий посмертно обвинил А. М. Панкратова в игнорировании внутрипартийной борьбы 1920–1930-х: “В §47 учебника кратко сказано о XV съезде ВКП(б), но ни слова не упоминается о троцкистско-зиновьевском блоке и его разгроме”.⁶⁹ Неприкосновенность не только историографической схемы “Краткого курса истории ВКП(б)”, но и традиционных методов преподавания постулировалась в передовой того же номера. Школьный учебник, еще недавно называвшийся “тормозом улучшения преподавания истории”, вновь объявлялся “важным средством борьбы за глубокие и прочные знания школьников”.⁷⁰

К концу 1957 года дискуссии о форме и содержании преподавания истории в школе были прекращены. Учебник по истории для X класса, сохранив авторство А. М. Панкратовой, был вновь переиздан с учетом высказанных к нему замечаний. Предложения по введению параллельных комплектов учебников перестали звучать – основой преподавания осталась прежняя серия учебников. Сам концепт “культ личности” все реже появлялся на страницах педагогических изданий. В этом отношении показательной является брошюра “Некоторые вопросы преподавания истории в школе”, изданная в августе 1957 года.⁷¹ Ее авторы, А. Т. Кинкулькин и П. С. Лейбенгруб, в течение прошлого года регулярно выступавшие с методическими статьями об изменениях в преподавании, больше не называли “преодоление культа личности” в числе актуальных проблем, стоящих перед учителями истории.

⁶⁸ П. П. Епифанов, М. Е. Найденев. О брошюре “Вопросы преподавания истории СССР в свете решений XX съезда КПСС” // ПИШ. 1957. № 5. С. 113.

⁶⁹ В. И. Зверев. Несколько замечаний о переработанном учебнике (История СССР для десятых классов) // ПИШ. 1957. № 6. С. 87.

⁷⁰ Повышать роль обучения истории – одного из важнейших средств воспитания молодых строителей коммунизма // ПИШ. 1957. № 6. С. 10.

⁷¹ А. Т. Кинкулькин, П. С. Лейбенгруб. Некоторые вопросы преподавания истории в школе. Москва, 1957.

Отказаться нельзя реформировать?

Дискурсивно отказ от стремления реформировать основы изучения и преподавания истории был оформлен теми же средствами, что и прогрессивные интенции. Поскольку концепт “культ личности” не был строго определен, те, кто обращался к нему, могли наполнять его любым содержанием, отвечавшим их взглядам. И если А. М. Панкратова и ее коллеги тяготели к расширительному толкованию, говоря о необходимости преодолевать “последствия культа личности” в изучении не только послеоктябрьского, но и дореволюционного прошлого, ее оппоненты придерживались буквалистских трактовок. Вопрос о том, стимулировала ли идеологическая конъюнктура смену историографических приоритетов или же историки стремились продвигать свои академические взгляды, удачно используя колебания партийного курса, нуждается в отдельном рассмотрении. Очевидно, что ответы на него будут зависеть от биографий конкретных исследователей. В завершении же этой статьи представляется необходимым поставить вопрос о том, могла ли реформа Панкратовой быть доведена до конца, если бы политика СССР в очередной раз не сделала бы резкого поворота на рубеже 1956/1957 годов?

“Преодоление вредных последствий культа личности”, с точки зрения Панкратовой, не исчерпывалось переоценкой деятельности Сталина и отказом от наиболее одиозных историографических оценок, но должно было стать началом длительного процесса “преодоления субъективно-идеалистических взглядов на историю”. Относительно истории революционного движения, непосредственно связанной с фигурой Сталина, это подразумевало постановку в центр исторического процесса народных масс, руководимых коммунистической партией. Однако эволюция партии продолжала представляться безальтернативной историей побед большевиков над оппозиционными партиями и внутрипартийными “уклонами”. Можно спорить о том, действительно ли попытки переосмыслить историю КПСС могли привести к сомнениям в целесообразности ее современной политики, но именно эти опасения питали охранительную линию внутри партии. Так, кампания по критике журнала “Вопросы истории”, закончившаяся сменой редакции, началась с полемики вокруг статьи Э. Н. Бурджалова “О тактике большевиков в марте–апреле 1917”, в которой он упомянул о сотрудничестве РСДРП(б) с меньшевиками и эсерами в петроградских

советах.⁷² С другой стороны, опасения быть обвиненными в антипартийных выпадах серьезно ограничивали историков-реформаторов. Так, говоря о внутривнутрипартийной борьбе 1920–1930-х в учебнике для X класса, и в передовой “Вопросов истории”, сменив тон критики “уклонистов” на более мягкий, Панкратова, тем не менее, не ставила под вопрос “ошибочность” их взглядов. Концепция истории КПСС как торжества большевизма над оппозиционными “ересями” легла в основу сменившего “Краткий курс” учебника по истпарту и не оспаривалась вплоть до Перестройки.⁷³

Ни академические историки, ни педагоги не могли выйти за пределы господствующей историографической схемы. Попытки не то что пересмотреть оценки деятельности партии большевиков, но хотя бы дополнить исторический нарратив ранее замалчивавшимися фактами ставили под угрозу профессиональную карьеру. Неудивительно, что именно во второй половине 1950-х возникают и начинают развиваться альтернативные пространства для обсуждения советского и досоветского прошлого. Диссидентская историография, зародившаяся в молодежных кружках, критически анализировавших политику и историю КПСС, и в “салонах”, формировавшихся вокруг литераторов и “историков-любителей”, уже в следующем десятилетии кристаллизуется в произведениях художественного, публицистического и научного самиздата.

Аресты в 1957–1958 гг. участников групп Л. Н. Краснопевцева (Москва), М. М. Молоцова (Ленинград–Омск), Р. И. Пименова (Ленинград), С. К. Пирогова (Ленинград–Архангельск), критически анализировавших текущую политическую ситуацию и историю советского государства с точки зрения неортодоксального марксизма, демонстрируют, что стремление переосмыслить роль РСДРП(б) и других партий в революции, равно как и изучение политических репрессий в СССР оказались не просто нежелательны, но криминализованы. Преследование в уже 1970–1980-х читателей и корреспондентов А. И. Солженицына в связи с публикацией художественного исследования “Архипелаг ГУЛАГ” или участников издания исторического сборника “Память” демонстрируют, что косметическая десталинизация советской исторической науки никак не сказалась на ее теоретико-методологическом ядре.

⁷² А. В. Савельев. Номенклатурная борьба вокруг журнала “Вопросы истории” в 1954–1957 годах // Отечественная история. 2003. № 5. С. 148–162.

⁷³ Б. Пономарев и др. История Коммунистической партии Советского Союза. Учебник. Москва, 1959.

В отличие от участников независимых политических объединений 1950-х или от Солженицына, использовавших исторические изыскания для легитимации собственных политических взглядов, авторы и издатели “Памяти” пытались избегать обнажения идеологии.⁷⁴ Их позиция была озвучена в предисловии к первому выпуску:

первоочередной своей целью редакция ставит сбор исторических свидетельств и последующую их публикацию, ... извлечение исторического факта из небытия, спасение его от забвения и введение в оборот – научный и общественный.⁷⁵

Такая установка демонстрировала тенденцию, характерную не только для историков-диссидентов, но и для их коллег, представлявших официальные академические учреждения. В догматической марксистско-ленинской традиции отсутствовали возможности для интерпретации событий истории, в то время как позитивистское источниковедение или публикаторская деятельность, казалось, оставляли большую свободу для научного творчества.

Таким образом, весной 1957 пришел конец идеологической неопределенности, сохранявшейся на протяжении всего учебного года и поощрявшей инициативы, продолжавшие линию десталинизации и ориентированные на расширительное толкование концепта “культ личности”. Осуждение “демагогических выступлений” на страницах журнала “Вопросы истории” показало, что даже несущественный пересмотр истории партии в условиях ее идеологической монополии оставался невозможен. Учебник по истории СССР для X класса был переиздан к новому учебному году с учетом высказанных к нему претензий, сохранив авторство скончавшейся к этому моменту А. М. Панкратовой. Можно признать, что реформирование преподавания истории, задумывавшееся ею, не было не то что доведено до конца, но, по сути, и не началось. Некоторые идеи (в частности, преподавание по параллельным комплектам учебников) в принципе не могли быть реализованы в условиях безальтернативного господства догматического марксизма. Однако инициативы историков и педагогов, поддерживавших десталинизацию, нельзя назвать абсолютно бесплодными. Большим шагом

⁷⁴ А. Свешников. Теоретическая программа исторического сборника “Память” // Вестник Омского университета. Серия “Исторические науки”. 2015. № 4 (8). С. 147–151.

⁷⁵ От редакции // Память. Исторический сборник. Выпуск 1. Москва, 1976 – New York, 1978. P. IX.

в сторону от сталинисткой историографической традиции стало то, что из преподавания исчезли наиболее одиозные идеологические клише, а уровень символического насилия на страницах учебной и академической литературы заметно снизился за счет смягчения оценок внутрипартийной борьбы 1920–1930-х.

Реальное насилие в отношении инакомыслящих также стало применяться менее массово и более избирательно. Репрессивная кампания, начавшаяся в 1957 году, сопровождалась последней волной массовых арестов. После этого власти предпочитали использовать "адресные" формы идеологического контроля, допуская, в частности, возможность относительно свободного академического и художественного осмысления прошлого и альтернативных форм педагогической деятельности, при условии соблюдения ряда неписаных конвенций, в первую очередь, регулировавших режим публичности распространения альтернативных интерпретаций истории.⁷⁶ И уже "постоттепельная" история отечественной интеллектуальной жизни развивалась по пути пусть не расширения, но обустройства появившихся в 1950–1960-х пространств относительной интеллектуальной свободы.

SUMMARY

⁷⁶ В частности, освоение искусства балансировать между неразрешенным и запрещенным и выбирать правильное время, место и аудиторию для высказывания позволяло учителю истории и литературы московской ФМШ № 2 Анатолию Якобсону в середине 1960-х вести уроки "не по учебнику", завершая занятия следующим образом: "Запишите: Штурм Зимнего дворца, которого, как вы теперь знаете, не было вовсе, произошел 25 октября 17 года..." (А. Крауз. Записки о Второй школе // Записки о Второй школе (Групповой портрет во второшкольном интерьере) / сост. Г. Ефремов, А. Ковальджи. Москва, 2006. С. 42).

BIBLIOGRAPHY

- Asylbekov, M. Kh. Vklad akademika A. M. Pankratovoi v istoricheskuiu nauku Kazakhstana // Istorii Kazakhstana, <http://e-history.kz/ru/contents/view/368>.
- Belenkin, Boris I. Ispravlenomu ne verit'! Destalinizatsiia na rannem etape: tret'ia redaksiia "Velikogo russkogo naroda" A.M. Pankratovoi // Posle Stalina. Reformy 1950-kh godov v kontekste sovetskoi i postsovetskoi istorii. Moscow, 2016. Pp. 117-128.
- Bikbov, Alexander. Tematizatsiia "lichnosti" kak indikator skrytoi burzhuznosti v gosudarstve "zrelogo sotsializma" // Personal'nost': Iazyk filosofii v russko-nemetskom dialoge / Ed. N. S. Plotnikova et al. Moscow, 2007. Pp. 404-427.
- Bittner, Stephen V. The Many Lives of Khrushchev's Thaw: Experience and Memory in Moscow's Arbat. Ithaca, NY, 2008.
- Chashchukhin, Alexander V. "Primer Malenkova podskazyvaet nam...": politicheskie praktiki v zhiznennom mire sovetskogo pedagoga 1950-kh godov // 1956: Nezamechennyi termidor. Ocherki provintsial'nogo byta / Ed. A. V. Bushmakov, O. L. Leibovich et al. Perm, 2012. Pp. 130-164.
- Coumel, Laurent. "Rapprocher l'école et la vie"? Une histoire des réformes de l'enseignement en Russie soviétique (1918–1964). Toulouse, 2014.
- Dimke, Daria V. Zhizn' po zakonam iskusstva: praktiki voploshcheniia utopii (na primere Kommuny iunykh frunzentsev) // Sotsiologiya vlasti. 2012. No. 4-5. Pp. 111-139.
- Dobrenko, Evgenii. Muzei revoliutsii: sovetskoe kino i stalinskii istoricheskii narrativ. Moscow, 2008.
- Doklad N. S. Khrushcheva o kul'te lichnosti Stalina na XX s"ezde KPSS: Dokumenty. Moscow, 2002.
- Epifanov, P. P., M. E. Naidenov. O broshiore "Voprosy prepodavaniia istorii SSSR v svete reshenii XX s"ezda KPSS" // Prepodavanie istorii v shkole. 1957. No. 5. Pp. 113-117.
- Ferro, Marc. Kak rasskazyvaiut istoriiu detiam v raznykh stranakh mira. Moscow, 2010.
- Ganelin, Rafail. Sovetskie istoriki: o chem oni govorili mezhdub soboi. Stranitsy vospominanii o 1940-kh –1970-kh godakh. St. Petersburg, 2004.
- Glovinski, Michal. Ne puskat' proshlogo na samotek. Istorii VKP(b) kak mificheskoe skazanie // Novoe literaturnoe obozrenie. 1996. No. 22. Pp. 142-160.
- Guseinov, A. Z. Vliianie protsessa demokratizatsii sovetskogo obshchestva

- na sodержanie i kharakter prepodavaniia obshchestvennykh distsiplin v 1956–1964 godakh (Na materiale shkol'nykh istoricheskikh distsiplin) / Avtoref. diss. ...kand. ped. nauk. Saratov, 1998.
- Ianko-Trinit'skaia, A. A. Nekotorye itogi raboty s uchebnikami po istorii Drevnego mira // Prepodavanie istorii v shkole. 1957. No. 1. Pp. 32-45.
- Istoriia SSSR. Chast' tret'ia. Uchebnik dlia 10 klassa srednei shkoly / Ed. A. M. Pankratova. Moscow, 1956.
- Istoriik i vremia, 20–50-e gody XX veka: A.M. Pankratova / Ed. Iu. S. Kuskushkin. Moscow, 2000.
- Jones, Polly. Myth, Memory, Trauma. Rethinking the Stalinist Past in the Soviet Union, 1953–70. New Haven, 2013.
- Kharkhordin, Oleg V. Oblichat' i litsemerit': genealogiia rossiiskoi lichnosti. St. Petersburg, 2002.
- XX s'ezd KPSS i zadachi issledovaniia istorii partii // Voprosy istorii. 1956. No. 3. Pp. 3-11.
- Kinkul'kin, A. T., P. S. Leibengrub. Nekotorye voprosy prepodavaniia istorii v shkole. Moscow, 1957.
- Kon, Igor'. 80 let odinochestva. Moscow, 2008.
- Kostiukevich, E. A. O nekotorykh itogakh istekshego uchebnogo goda // Prepodavanie istorii v shkole. 1957. No. 6. P. 69.
- Kratkii kurs istorii VKP(b): Tekst i ego istoriia / Ed. M. V. Zelenov, D. Brandenberger. Moscow, 2014.
- Krauz, A. Zapiski o Vtoroi shkole // Zapiski o Vtoroi shkole (Grupповой портрет во второшкoл'ном интер'ере) / Ed. G. Efremov, A. Koval'dzhi. Moscow, 2006. P. 42.
- Kukulin, Ilya V., Maria L. Maiofis. Matematicheskie shkoly v SSSR: genezis institutsii i tipologiiia utopii // Ostrova utopii: Pedagogicheskoe i sotsial'noe proektirovanie poslevoennoi shkoly (1940–1980-e) / Ed. I. Kukulin, M. Maiofis, P. Safronov. Moscow, 2015. Pp. 241-313.
- Lazarev, Iurii V. Ottepel' v shkol'nom prepodavanii literatury (k istorii izucheniiia tvorchestva A. I. Solzhenitsyna v shkole) // Vestnik RGU imeni S. A. Esenina. 2013 No. 3. Pp. 5-17.
- Lystsov, V. P., A. N. Moskalenko, A. G. Talova. Uchebnik prokhdit proverku // Prepodavanie istorii v shkole. 1957. No. 1. Pp. 45-49.
- Maiofis, Maria L. Pansiony trudovykh rezervov: formirovanie sistemy shkol-internatov v 1954–1964 godakh // Novoe literaturnoe obozrenie. 2016. No. 6 (142). Pp. 292-324.
- Maksimenkova L. V. Otdel shkol TsK KPSS v gody, kogda v nem rabotal Aleksandr Nikolaevich Iakovlev. 1953–1956 gg. // Rossiia. XX vek. <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-intro/1025126>.
- Markwick, Roger D. Rewriting History in Soviet Russia. The Politics of Revisionist Historiography, 1956–1974. London, 2001.
- Nekotorye voprosy prepodavaniia istorii SSSR v shkole // Uchitel'skaia gazeta. 1956. September 22. P. 3.
- Nekotorye voprosy prepodavaniia istorii SSSR v shkole. N.p., 1956.
- O nekotorykh vazhneishikh zadachakh sovetskikh istorikov // Voprosy istorii. 1953. No. 6. P. 11.
- O zadachakh prepodavaniia istorii i razvitii metodiki istorii v svete reshenii XX s'ezda KPSS // Prepodavanie istorii v shkole. 1956. No. 4. P. 7.
- O zhurnale "Voprosy istorii". Postanovlenie TsK KPSS. 9 marta 1957 // Spravochnik partiinogo rabotnika. Moscow, 1957. Pp. 381-383.
- Ob usilenii politicheskoi raboty partiinykh organizatsii i presechenii vylazok antisovetskikh elementov. Zakrytoe pis'mo TsK KPSS. 19 dekabria 1956 // Reabilitatsiia: kak eto bylo. Dokumenty Prezidiuma TsK KPSS i drugie materialy. Vol. 2. Fevral' 1956 – nachalo 80-kh godov / Ed. A. N. Artizov. Moscow, 2003. Pp. 208-214.
- Ostrova utopii: Pedagogicheskoe i sotsial'noe proektirovanie poslevoennoi shkoly (1940–1980-e) / Ed. I. Kukulin, M. Maiofis, P. Safronov. Moscow, 2015.
- Ot redaktsii // Pamiat'. Istoricheskii sbornik. Vol. 1. Moscow, 1976 and New York, 1978. P. IX.
- Platt, Kevin M.F. Idti v nauku – terpet' muku: travma i distsiplina v rossiiskoi shkole // Novoe literaturnoe obozrenie. 2013. No. 124. Pp. 35-47.
- Platt, Kevin M.F. Secret Speech: Wounding, Disavowal, and Social Belonging in the USSR // Critical Inquiry. 2016. Vol. 42. No. 3. Pp. 647–676.
- Poliak, I. Kakoi uchebnik luchshe? // Uchitel'skaia gazeta. 1956. March 31. P. 2.
- Polikarpov, V. V. "Novoe napravlenie" 50–70-kh gg.: posledniaia diskussiia sovetskikh istorikov // Sovetskaia istoriografiia / Ed. Iu. A. Afanas'ev. Moscow, 1996. Pp. 349-400.
- Ponomarev, Boris et al. Istoriia Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soiuza. Moscow, 1959.
- Ponomarev, Evgenii R. Uchebnik patriotizma (literatura v sovetskoi shkole v 1940–1950-e gody) // Novoe literaturnoe obozrenie. 2009. No. 97. Pp. 37-57.
- Povyshat' rol' obucheniia istorii – odnogo iz vazhneishikh sredstv vospitaniia molodykh stroitelei kommunizma // Prepodavanie istorii v shkole. 1957. No. 6. P. 9.

- Prikaz Ministerstva prosvshcheniia RSFSR No. 62-M "Ob oznakomlenii uchashchikhsia obshcheobrazovatel'nykh shkol s materialami i resheniiami XX s"ezda KPSS // Sbornik prikazov i instruktsii Ministerstva prosvshcheniia RSFSR. 1956. No. 17. P. 12.
- Prikaz ministra prosvshcheniia RSFSR No. 88-M ot 21.04.1956 "O poriadke vyvedeniia v Kh klasse itogovykh otmetok po russkomu iazyku, literature i istorii, podlezhashchikh vneseniiu v attestat zrelosti" // Sbornik prikazov i instruktsii Ministerstva prosvshcheniia RSFSR. 1956. No. 19. P. 28.
- Rech' tov. Pankratovoi A. M. // XX s"ezd kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soiuzia 14-25 fevralia 1956. Stenograficheskii otchet. Vol. 1. Moscow, 1956. Pp. 618-626.
- Resheniia XX s"ezda KPSS i zadachi pedagogicheskoi nauki // Sovetskaia pedagogika. 1956. No. 4. P. 12.
- Rubinshtein, Lev. Prostaia istoriia // Stengazeta. 2007. July 9. <http://stengazeta.net/?p=10003547>.
- S"ezd pobedonosnykh stroitelei kommunizma // Prepodavanie istorii v shkole. 1956. No. 2. P. 10.
- Savel'ev, A.V. Nomenklaturaia bor'ba vokrug zhurnala "Voprosy istorii" v 1954–1957 godakh // Otechestvennaia istoriia. 2003. No. 5. Pp. 148-162.
- Schattenberg, Susanne. "Democracy" or "Despotism"? How the Secret Speech was translated into everyday life // Polly Jones (Ed.). The Dilemmas of De-Stalinization: Negotiating Cultural and Social Change in the Khrushchev's Era. London, 2006. Pp. 64-79.
- Schenk, Frithjof B. Aleksandr Nevskii v russkoi kul'turnoi pamiati: sviatoi, pravitel', natsional'nyi geroi (1263–2000). Moscow, 2007.
- Shurman, Dora. The Soviet Secondary School. London, 1990.
- Sidorova, Liubov'. Ottepel' v istoricheskoi nauke. Sovetskaia istoriografiia pervogo poslevoennogo desiatiletii. Moscow, 1997.
- Simakov, P. Aktual'nye stat'i v zhurnale "Voprosy istorii" // Narodnoe obrazovanie. 1956. No. 6. P. 69.
- Sveshnikov, Anton V. Teoreticheskaia programma istoricheskogo sbornika "Pamiat'" // Vestnik Omskogo universiteta. Serii "Istoricheskie nauki". 2015. No. 4 (8). Pp. 147-151.
- Jones, Polly (Ed.). The Dilemmas of De-Stalinization: Negotiating Cultural and Social Change in the Khrushchev's Era. London, 2006.
- The Thaw: Soviet Society and Culture in 1950s and 1960s / Ed. by Den. Kozlov, E. Gilburd. Toronto, 2013.
- Tromly, Benjamin. Intelligentsia Self-Fashioning in the Postwar Soviet

- Union: Revol't Pimenov's Political Struggle, 1949–57 // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2012. Vol. 13. No. 1. Pp. 151-176.
- Uhl, Katharina. Pokolenie mezhdru "geroicheskim proshlym" i "svetlym budushchim": rol' molodezhi vo vremia "ottepeli" // Antropologicheskii forum. 2011. No. 15. Pp. 270-326.
- "V chem polozhitel'noe znachenie I.V. Stalina?" Voprosy uchitelei istorii posle XX s"ezda / Ed. B. I. Belenkin. <http://www.urokiistorii.ru/history/soc/1367>.
- Vail', Boris B. Osobo opasnyi. Kharkov, 2005.
- Voprosy prepodavaniia istorii SSSR v svete reshenii XX s"ezda KPSS. Sokrashchennaia stenogramma lektsii akademika A. M. Pankratovoi i starshego nauchnogo sotrudnika Akademii pedagogicheskikh nauk L. P. Bushchika na seminare v TsIPKRRNO / Ed. A. M. Pankratovoi. Moscow, 1956.
- Votiakov, A. A. Biografiia. <http://votyakov.com/ru/pages/bio/>.
- Zakharova, G. V., Stepanova, V. E. Obshchestvennoe vnimanie k voprosam metodiki prepodavaniia istorii // Prepodavanie istorii v shkole. 1957. No. 1. P. 59.
- Zverev, V. I. Neskol'ko zamechaniy o pererabotannom uchebnike (Istoriia SSSR dlia desiatykh klassov) // Prepodavanie istorii v shkole. 1957. No. 6. P. 87.

ARCHIVES

- Central State Archive of Historical-Political Documentation in St Petersburg. F. 827. Op. 2. D. 7.
- Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). F. 556. Op. 16. D. 4.
- State Archive of the Russian Federation (GARF). F. 2306. Op. 72. D. 5237, 5268, 5093.